
О. А. МАШКИНА

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Оказавшись на несколько месяцев оторванной от привычной среды и не имея поблизости душевных собеседников, я решила вести дневник наблюдений. В моем зрелом возрасте писать на сюжеты, что волновали мечтательных девушек XIX в., было бы по меньшей мере странно, поэтому я выбрала жанр путевых зарисовок специалиста. При этом хочу подчеркнуть ненаучный характер наблюдений, который обусловил соответствующий стиль размышлений, а ряд шуточных замечаний призван подчеркнуть ироничность автора к собственным выводам. Нижеследующие заметки – калейдоскоп впечатлений с «дальнего берега», которые иногда складываются в целостную мозаичную картину, но часто остаются отдельными штрихами к характеру наблюдений или самого наблюдателя. И, конечно, нашему брату невозможно абстрагироваться от профессиональной деятельности даже на отдыхе. В мои путевые заметки естественно вплетались данные, ссылки на которые не давать было просто невозможно. И все-таки то, что получилось, вовсе не научная статья, а впечатления и размышления об увиденном.

* * *

Так счастливо сложилось, что я выиграла грант тайваньского правительства Taiwan Fellowship на научное исследование «Университет как центр регионального и глобального влияния». Чтобы обозначить свою «нишу» в обсуждении предназначения высшей школы, о чем не говорит только ленивый, я добавила в название своего будущего исследования уточнение – «на примере ведущих вузов РФ, Тайваня, КНР, Гонконга». И это задало вектор моему путешествию по странам, городам и университетам: из России в КНР, далее – в Гонконг, Тайвань и обратно в Россию.

Итак, начну с первых, а потому самых ярких впечатлений. Когда я оказалась в приличном по нашим, российским, представлениям, номере общежития для преподавателей университета Сунь Ят-

сена в кампусе г. Чжухай, я поняла, почему руководство Китая так настойчиво продвигает лозунг «Накормить и обогреть население». С первой частью призыва все было в порядке. Встречавшая меня в аэропорту китайская коллега профессор Сяо Цзиньюй накормила в ресторане изысканными китайскими блюдами и вручила мне пакет с упаковкой кофе. Я, к своему стыду, о таких мелочах при приеме «гостей издалека» не задумываюсь. И уверена, что не только я. Гостеприимство китайцев потому так продуманно, что это часть их ритуальной культуры.

Но возвращаюсь к вопросу тепла. Температура в день моего приезда в этот субтропический город была несколько ниже обычной для начала февраля – всего плюс 10 °С. Однако в комнате казалось еще холоднее, чем на улице. От керамического пола веяло жутким холодом, который не мог разогнать кондиционер, используемый, как правило, для противоположных целей. Подушки и одеяла были влажными. Не спасал даже обогреватель, который принесли в номер гостеприимные китайские коллеги.

Холод в домах стал первым поводом для размышлений о характере китайцев. Вспомнилось, как несколько лет назад моя китайская приятельница-философ в такую же холодную зиму писала из Гуанчжоу, что переводит русских поэтов Серебряного века. Сидя у себя дома в шубе, она живо представляла, что испытывали российские интеллигенты после Октябрьской революции. Но похоже, что чужие уроки не пошли ей впрок. Когда через пару дней я навестила ее в Гуанчжоу, в квартире было очень холодно. Может, отсутствие домашнего тепла помогает вжиться в образ? На сей раз моя коллега писала о советских писателях, которые погибли в сталинских лагерях.

Я была также приглашена в загородный дом в окрестностях Гуанчжоу. Не буду описывать роскошный интерьер, отмечу лишь, что хозяева внутри дома не снимали верхней одежды и теплой обуви по той же причине. Полы в домах на юге Китая – керамические, подвести под них водное или электрическое отопление не составляет труда. Однако даже обеспеченные горожане по каким-то не поддающимся моему пониманию причинам этого не делают.

Означает ли это, что китайская логика отличается от европейской? Что китайский прагматизм сильнее стужи? Или следует ис-

кать какие-то другие причины, связанные с национальными особенностями? Например, воспитание несгибаемого характера бойца, преодолевающего все препятствия? Или вот еще одно предположение. В прессе КНР ведется мощная кампания против излишеств потребления. Может, это попытка богатых китайцев проявить солидарность с бедными? Не верится. Все-таки, наверное, в этом надо видеть чисто утилитарные соображения, перешедшие в консервативные привычки. Зима короткая, холода держатся не более месяца, можно и потерпеть. С другой стороны, китайские студенты сидят на занятиях в МГУ в зимних куртках, даже когда в аудиториях совсем не холодно. Наверное, это потребность соответствовать сезону. Зима не лето – почувствуй разницу.

Еще одна непривычная норма. Складывается впечатление, что у китайцев отсутствует потребность в личном пространстве, границы которого так священны для европейца, да, пожалуй, хоть и в меньшей степени, для русских тоже. Я обратила внимание, что даже в европеизированном Гонконге в метро постоянно звучат призывы: не стойте в дверях. Тем не менее законопослушные жители Гонконга продолжают упорно стоять на пути входящих-выходящих, несмотря на то, что внутри вагона свободного места предостаточно. Более того, все отрешенно спокойны: и те, кого толкают, и те, кто толкает. Похоже, ни у кого не возникает ощущения неудобства. Раз нет личного пространства, то и нарушить нечего.

На Тайване я не раз наблюдала следующую картину: идет семенил пожилой человек по достаточно узкому проходу, сзади его догоняет едущий на велосипеде, спускается с велосипеда и продолжает терпеливо двигаться в темпе впереди идущего. У велосипедиста есть возможность обогнуть-обогнать, если попросить впереди идущего чуть посторониться, но никто из них не предпринимает попытку как-то изменить ситуацию. Что это? Вежливость? Житейская мудрость? Философия? Нормы коммунального образа жизни, продиктованные чрезмерной плотностью населения? Все по отдельности и в совокупности может быть теми факторами, которые в процессе выживания и вживания в естественную среду обитания формируют свой тип пространственной организации, отличающийся у разных народов.

Например, многие молодые тайваньцы шаркают при ходьбе, как будто с трудом поднимают ноги. Одна моя русская студентка, стажировавшаяся год в тайваньском университете, объясняла это тем, что тайваньские девушки хотят быть похожими на японских гейш. А на кого в таком случае хотят быть похожими парни? На умудренных сединами старцев? Вряд ли. Такую походку скорее формирует привычка ходить в шлепанцах везде и повсюду. Но есть и более научное объяснение. Мозг формирует у представителей разных народов неодинаковые культурозависимые психические реакции, в том числе связанные и с пространственным восприятием (Александров 2013).

Еще одна маленькая странность, которой я нахожу объяснение только в отсутствии разграничения своего и чужого пространства. В Китае любой разговор по телефону или при личном общении становится общественным достоянием. И женщины, и мужчины говорят пронзительно громко. Когда я спросила московского стажера китаецкого стажера Яо Вана, почему китайцы так громко разговаривают, он очень удивился, поскольку просто не замечает этого.

Или вот еще непривычные мелочи. Сажу в центральной библиотеке Тайваня и боковым зрением вижу молодую читательницу, которая между шкафами отплясывает примерно полчаса, а потом опять садится за чтение. Никто на нее не обращает внимания. Меня ее мельтешение слегка удивляет своей неуместностью в библиотеке. Но может, это я в силу своего советского воспитания, формировавшего жесткие нормы поведения и представлений о том, что такое хорошо, а что такое плохо, неправа, так как не понимаю, как важно всегда и везде поддерживать себя в тонусе?

С похожими ситуациями я сталкивалась в разных городах КНР. Например, двое взрослых мужчин с серьезным видом танцуют танго на уличной танцевальной площадке перед университетом Сунь Ятсена в Гуанчжоу. Они очень сосредоточены на отработке движений. Никакого намека на удовольствие. Умение хорошо танцевать в КНР является критерием современного, открытого новым веяниям человека, вот они и стараются. Или на пляже в Циндао вижу, как уже отнюдь не молодой человек прыгает вперед и назад, имитируя движения то ли лягушки, то ли краба. Он не развлекается

и не веселит публику, а разминает тело. Можете себе представить такое зрелище в России? А в Китае это норма, человек заботится о своем здоровье, чего тут скрывать. Это – пример для подражания окружающим.

Эти мелкие особенности отношения к жизни кажутся несущественными, но на самом деле они отражают те приоритеты, сформированные коллективным бессознательным, которые сохраняются у индивидуума навсегда, хотя и могут быть оттеснены на время новыми реалиями.

Китайская культура характеризуется психологами как целостная, холистическая, в отличие от западной аналитической. Мне представляется возможным разграничить эти две культуры через противопоставление двух характеристик: рациональность-практичность китайцев и разум-прагматизм европейцев. О русских молчу, не потому что мы – скифы. Все гораздо запутаннее, мы – евразийцы, а потому застряли на перепутье, хотя психологи утверждают: тесты свидетельствуют о том, что мы – нация абсолютно интуитивно-холистическая. Но мы точно не китайцы. Итак, почему я развожу эти понятия? Разум требует осмысления, а рациональность – применения. Что лучше для жизни – судите сами с позиций своего психического склада.

Китайцы, на мой взгляд, по-детски любопытны, но не любознательны. Почему я противопоставляю эти два понятия? Как мне кажется, любопытство – внешнее свойство, любознательность – путь к познанию. Китайцы в последние годы много путешествуют, но интересуются в основном внешней стороной, картинкой. Периодически работая летом в качестве гида, я замечаю, что большинство китайских, да и тайваньских туристов слушают историко-культурологические комментарии не более двух минут, а то и сразу разбредаются фотографировать. Поначалу это меня ужасно смущало, и я винила себя. Чтобы исправить положение, даже села за написание вместе с китайской коллегой из ИСАА Катей Юйцзэ пособия для гидов-переводчиков. Но поговорив с другими гидами, убедилась, что мало кому удастся удержать внимание китайских гостей. Страсть к фотографированию, как известно, присуща не только китайцам, но и японцам. Я нахожу этому следующее объяснение: те народы, которые пользуются иероглифическим письмом, лучше

воспринимают окружающий мир через символы. Думаю, не одна я после просмотра китайских фильмов, очень красочных и эмоциональных, с трудом могу воспроизвести хоть один диалог, настолько они малозначимы. Для китайцев что фото, что фильм – это бегущая строка символов, которые создают настроение, не требующее глубокого осмысления или анализа.

В ментальности современных китайцев, как мне кажется, параллельно сосуществуют черты, которые формируются под воздействием двух культур: философичной письменной и упрощенно-обыденной разговорной. Китайская литература, живопись, каллиграфия наполнены эстетизмом и глубоким подтекстом, обусловленными красотой и многозначностью иероглифов. В то же время для разговорной речи характерны короткие фразы-штампы, что объясняется многочисленными диалектами и «местечковыми» особенностями произношения.

Символическое письмо формирует особый тип мышления. Иероглиф, как известно, передает не звучание, а значение. Содержащееся в иероглифе описание явления препятствует формированию научного и терминологического языка. Например, в научной статье сталкиваюсь со следующим сочетанием – 升学的学术课程. В скобках дается перевод на английский – *Academic program*, но это для специалистов, обычному китайцу так глубоко копать не надо. Если переводить последовательно каждый из иероглифов данного словосочетания, то получится следующее:

– 升学 – перейти в следующий класс [на следующий курс]; поступить (например, в вуз);

– 学术 – научный;

– 课程 – 1) курс лекций; 2) предмет, дисциплина.

Все ясно из подтекста данных иероглифов – «продолжить обучение на следующей ступени». Если речь идет о школе, то понятно, что имеются в виду программы обучения не в профессиональной, а в общеобразовательной школе. А если в статье говорится о вузах, то соответственно о программах обучения, обеспечивающих фундаментальную, системную, научную подготовку на уровнях бакалавра и выше, а не о программах узкоспециализированной профес-

сиональной подготовки. С одной стороны, такой разъяснительный подтекст иероглифов облегчает понимание, но с другой стороны, не способствует, а скорее даже препятствует развитию абстрактного мышления и логических связей. Другими словами, иероглифика тормозит формирование навыков абстрагирования, интерпретации, аналитического мышления. Иероглифика рациональна как основа общего письменного языка для народов, говорящих на разных языках, если не принимать во внимание трудоемкость ее изучения. Такого же рода специфическая рациональность присуща и всей китайской культуре.

Найденная китайцами ниша применения того или иного изобретения может показаться парадоксальной для человек аналитического (западного) типа мышления. Например, использование пороха и компаса в ритуальных целях. Но если посмотреть с точки зрения китайской традиционной культуры, война иррациональна, а значит, и порох должен служить небоевым целям. Современные китайцы легко адаптируют и трансформируют чужие достижения под свои потребности именно потому, что традиционная культура во главу угла ставит задачу облегчения и украшения жизни.

Традиционная культура Китая – центростремительная. Эту особенность отмечают многие исследователи. Адаптируя чужие культуры, она сохраняет свою сущность неизменной, утверждает В. Малявин (2014). Национальный культуроцентризм не предполагает признания равноценности других народов, дополняет А. Маслов (2013).

Сохраняется ли такая логика взаимодействия китайского и чужого мира в современном Китае? Трудно сказать. Процесс трансформации национальных ценностей напоминает тот, что происходил в России начиная с петровской эпохи до середины XIX в. Или, говоря современным языком, произошло разделение на космополитическую культуру граждан мира (тогда цивилизованный мир ассоциировался только с Европой) и национально-локальную культуру.

В современном Китае происходит мощная страто-возрастная культурная дифференциация. Молодые китайцы учатся у Запада, стремятся освоить нормы поведения других народов. Они воспри-

нимают ценности западного мира, как тогда русские, на эмоционально-интуитивном уровне, поэтому внешние изменения превалируют над внутренними. В то же время деятельность современных китайских властей свидетельствует о критическом подходе к отбору и освоению чужого опыта. Взгляд элиты обращен не к прошлому (как это характерно для многих наших сограждан, кто родом из СССР), а к настоящему и будущему. И если простые китайские граждане заботятся в первую очередь о своем быте, то власти конструируют не абстрактное светлое будущее, а наполненный конкретным содержанием проект возрождения величия Поднебесной.

«Культурная революция» стала точкой невозврата и послужила отправным моментом зарождения умонастроений опережающего развития в КНР. В этом я вижу отличие в характере трансформаций в РФ и КНР, хотя начались они практически одновременно. Россия возникла на обломках СССР, на тот момент не стоявшего на грани коллапса (Кульпин 2013: 3–23). По этой причине прошедший накануне развала СССР референдум показал, что многие граждане не принимают происходящих перемен. И наоборот, КНР начинала преобразования на руинах своей цивилизации, практически с «чистого листа». Курс на модернизацию вызвал одобрение всего общества, которое делегировало государству право действовать авторитарно. Поэтому слабая попытка китайского студенчества в 1979 г. выступить с призывом к демократизации не получила национальной поддержки.

Курс на трансформацию общества, провозглашенный китайской политической элитой (а это действительно была интеллектуальная элита, но при этом не оторванная от народа, а познавшая все тяготы «культурной революции»), носил последовательный характер и был выверен с учетом внешних и внутренних факторов развития. На первых порах Китай импортировал много техники и технологий. В дальнейшем, чтобы снизить импортозависимость, КНР создает высокотехнологические зоны и парки на своей территории, привлекая туда иностранных инвесторов и компании, которые стали производить технологии не только для китайского, но и мирового рынка. Сейчас в КНР действует свыше 100 таких зон.

В одном только старинном городе Чанчжоу, расположенном на реке Янцзы между двумя крупнейшими мегаполисами – Шанхаем и Нанкином, в 2010 г. действовало свыше 6000 предприятий с иностранным капиталом, среди которых 46 компаний входили в список 500 самых известных в мире инвесторов. 2200 предприятий высокотехнологического района Чанчжоу производили 2500 наименований продукции, продававшейся в 180 странах (более подробно см.: Машикина 2011; Перспективы... 2012: 202–217). Древний город, население которого составляет несколько миллионов человек, может служить примером того, с какой скоростью и в каком направлении проходит урбанизация Китая: из привлекающих туристической экзотикой достопримечательностей китайские города становятся промышленными конгломератами с явно выраженной тенденцией дальнейшего превращения в интеллектуальные центры.

Ся Дэрен, мэр Даляня, в интервью Томасу Фридману, обозревателю газеты «Нью-Йорк Таймс», автору известной публицистической книги «Плоский мир», высказал в 2004 г. ряд мыслей, ценных для понимания характера и потенциала происходящих в КНР изменений. «В производстве, – отметил он, – китайцы сперва были наемными рабочими у крупных иностранных производителей, а через несколько лет, после того как мы овладели всеми процессами и навыками, сами стали способны организовывать собственные фирмы. У программного обеспечения та же судьба... Сначала наши юноши и девушки будут работать на иностранцев, а затем открывать собственное дело. Это как строительство здания. Сегодня архитекторы – это вы, США, а развивающиеся страны – простые строители, чернорабочие. Но однажды, я надеюсь, и мы станем архитекторами» (Фридман б. г.).

Мэр Даляня назвал главные антропологические двигатели китайских реформ: амбициозность, под которой он, как мне кажется, имеет в виду стремление, охватившее всю нацию, во что бы то ни стало добиться жизненного благополучия, умение использовать чужой опыт как инструмент достижения результата, способность к конкурентной борьбе за достижение поставленной цели. Начав с технических заимствований и копирования зарубежного опыта, Китай уверенно идет по пути создания собственной модели догоняющей экономики с возвращением из ее недр кластеров иннова-

ционной промышленности. По оценке П. Щедровицкого (2012), Китай уже лидирует в мире по целому ряду направлений. Для их создания Китай использовал потенциал ведущих транснациональных корпораций и ученых из разных стран мира, создав и тем и другим более заманчивые, чем в других странах, условия жизнедеятельности.

Не вызывает сомнений, что китайское руководство будет и далее продвигать новые высокотехнологические отрасли. В Китае подготовлена самая большая в мире армия инженеров, программистов, специалистов по космическим и биотехнологиям. «Сегодня в Китае более 1,6 миллиона ученых работают в исследовательских центрах, и рано или поздно это даст о себе знать», – говорит директор японского Института проблем международной безопасности Хэйцзо Такенака (Завадский 2010). На родину вернулись 275 тыс. обучавшихся за рубежом молодых китайцев, каждый четвертый из уехавших за границу за последние 20 лет. Это интеллектуалы нового типа. Они везут не только современные знания и мировоззрение, но и новые технологии, формы управления, передовой производственный опыт, которые внедряют в экономику и науку Китая. Вместе с иностранными исследователями репатрианты и вернувшиеся из-за рубежа молодые китайские специалисты составляют значительный удельный вес в интеллектуальных силах страны, они вносят существенный вклад в развитие китайской экономики и науки, а также в обустройство своих «малых родин» и возрождение «Великого Китая». Можно позавидовать, а лучше поучиться у КНР тому, как он успешно реализует возможности «мира без границ» в национальных интересах.

Несмотря на впечатляющие успехи Китая в социально-экономическом развитии, многие зарубежные эксперты считают, что переход от экономики заимствования и копирования к производству оригинальных идей и продуктов в Китае будет долгим. «Китайцы правильно выстраивают элементы инновационной системы, грамотно создают технопарки. Многие элементы они скопировали у Америки очень удачно, – отмечает профессор Стэнфордского университета Вильям Миллер. – Но надо отметить несколько моментов, которые не позволят им догнать Кремниевую долину. Во-первых, Кремниевая долина развивается уже почти сотню лет,

а китайским технопаркам всего четверть века. Разрыв в качестве человеческого капитала, в среде жизни, в атмосфере очень велик. Во-вторых, в Китае нет традиции “лузерского капитализма”. Нет существующей в Америке традиции толерантного отношения к неудаче, а в инновационном бизнесе умение падать и вставать очень важно. И в-третьих, в Китае есть очевидные проблемы с авторскими правами и неуважением к интеллектуальной собственности. В атмосфере, когда можно украсть идею и скопировать устройство, развернуть производство новых идей и продуктов, будет очень трудно» (Щукин 2010). Из своего личного многолетнего опыта могу подтвердить, что невозможно отучить китайских магистрантов от плагиата, в котором они не видят ничего предосудительного.

Еще одно компетентное заключение, сказанное бывшим генеральным директором Google China, президентом фонда “Innovation-works” Ли Кайфу, позволяет лучше понять характер китайской инновационной деятельности: «В Китае инновации намного более практичны, чем в других странах мира, здесь никто не будет изобретать просто так, все думают о рыночных перспективах. Речь идет об улучшении технологических качеств, создании новых бизнес-моделей, конвергенции – словом, о любых надстройках над сделанным где-то “фундаментальным” изобретением» (Завадский 2010).

Истоки такого подхода, помимо указанных особенностей китайской культуры, следует искать в практике традиционного китайского школьного обучения, формирующего у подрастающего поколения адаптационные, а не креативные способности. В китайской школе не принято спорить с учителем. Выражать мнение, отличное от общепринятого, считается нарушением правил приличия и поведения. В результате китайские ученики растут послушными, добросовестными, но безынициативными исполнителями. «Чем старше учащиеся, тем беднее их воображение, – такой неутешительный вывод сделал член жюри 15-го всекитайского конкурса научно-популярных работ школьников «Золотой ключ» в 2007 г. – В сочинениях на тему геномоделирования большинство школьников старшей школы прибегают к шаблонным формам изложения общих сведений, делают акцент на политических аспектах темы, в то время как учащиеся младших классов пишут в более свободной и творческой манере» (Научно-технический... 2011: 91).

Создать условия для развития творческого потенциала личности трудно, но не легче и направить этот потенциал в нужном для страны и общества направлении. Россия по образовательному параметру индекса развития человеческого потенциала ПРООН (индекс достигнутого уровня образования населения) входит в число 15 % наиболее развитых стран мира, а по показателю вклада человеческого потенциала в создание общественного богатства относится к 15 % наименее успешных стран (Доклад... 2010: 91). Очевидно, что инновации плохо приживаются на российской почве. Современная Россия сохранила многое из мощного потенциала СССР, но движется в отличие от КНР по инерционному пути. Впрочем, не дай Бог, чтобы Россия докатилась до того рубежа лишений, с которого началась социально-экономическая модернизация Китая.

* * *

Хочу также поделиться проистекающими из наблюдений некоторыми размышлениями на тему, в какой степени жители материка и острова разделены не водами Тайваньского пролива, а своими характерами, чувствами, жизненными позициями, и вообще найти ответ на вопрос: современные китайцы и тайваньцы – это одна нация или две? Вопрос, приобретающий особую злободневность в свете последних трагических событий между спаянными общей многовековой историей украинским и русским народами.

От горестных мыслей о том, почему в современной России «крокодил не ловится, не растет кокос», возвращаясь к интриге, с которой начались мои размышления по поводу увиденного: китайцы и тайваньцы – одна нация или две разные? Попробуем посмотреть на этот вопрос с позиций различий в развитии этих двух субъектов после их «развода».

Экономика Тайваня. Экономика Тайваня, как и трех других «азиатских малых драконов» (Сингапура, Гонконга, Южной Кореи), получила подъем в 70-е гг. XX в. во многом благодаря помощи США. Это был симметричный ответ Соединенных Штатов в ходе холодной войны на политику СССР по поддержке антиколониальной борьбы афро-азиатских стран и насаждению советской экономической модели индустриализации в странах советского ла-

геря. Прагматичные американцы трезво оценили исходные данные и предпосылки для развития потенциала выбранных объектов¹.

Что объединяет Сингапур, Тайвань, Гонконг, Южную Корею? Во-первых, безусловно, общие ментально-культурные корни дальневосточной или, как ее часто называют, конфуцианской цивилизации. Во-вторых, малая территория, на которой в процессе исторического взаимодействия научились толерантно сосуществовать разные нации, взгляды и религии². Разница потенциалов создает напряжение, и, как показывает анализ М. Барбера, на стыке разных культур легче появляются и усваиваются инновации (Barber *et al.* 2012; Барбер и др. 2012)³.

В-третьих, все восточноазиатские «драконы» расположены на побережье Тихого океана. Это страны морской, а не континентальной культуры. Они открыты для внешнего взаимодействия. И, безусловно, они обрели более мощный импульс для развития по сравнению с другими странами этого региона, благодаря экспансионистской колонизаторской деятельности более развитых стран. В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, колониальные державы, как Британия, так и Япония, создавали в своих колониях инфраструктуру для перерабатывающей промышленности, налаживали начальную профессиональную подготовку местных кадров,

¹ Оценивая геополитические перспективы этого региона после войны, я думаю, американские аналитики учитывали следующие факторы. Африка уже восстала, и зачем ввязываться в длительную и бесперспективную войну, пусть уж другие державы увязнут в ней, им же хуже! Арабы превращались в пассионарный народ, но скорее со знаком минус, а вот ЮВА... С одной стороны, под боком еще слабого, но уже вступившего в процесс национального возрождения коммунистического Китая, с другой стороны, здесь заканчивалась зона геополитических интересов СССР, и пускать события на самотек было неразумно.

² В музее Сингапура в 10-минутном ролике о возникновении государства очень наглядно показано, как от конфронтации и отторжения «чужих» обитатели этого ограниченной сухопутной территории пришли к пониманию, что им нечего делить – слишком малое пространство! В результате из 4 национальных компонентов – индусы, китайцы, белые, малайцы – сложилась нынешняя форма сингапурской гражданственности.

³ В книгах М. Барбера мультикультурное влияние рассматривается как единый фактор, стимулирующий появление инноваций, однако представляется целесообразным выделить в нем те компоненты, которые в большей степени «ответственны» за точки роста. Например, анализ влияния протестантской этики на выбор модели развития, представленный в книгах профессора Э. С. Кульпина, позволяет лучше понять специфику Южной Кореи, где 30 % населения – христиане (из них более 18 % – протестанты). Здесь формируется новая этика взаимодополнения Запада и Востока, которую, безусловно, можно трактовать в терминах традиционных представлений о взаимодействии стихий инь и ян.

пересаживали на местную почву элементы своей производственной культуры. Все эти характеристики в совокупности с концентрированным на малой территории большим населением позволили названным четырем субъектам развиваться как узловым центрам, где пересекаются центростремительные и центробежные силы, превращаясь в «хабы» – концентраторы-распределители мировых потоков товаров, денег, информации.

Сингапур и Гонконг становятся мировыми поставщиками торгово-финансовых услуг, Тайвань – мировым производителем электроники, Южная Корея – крупнейшим судо- и автомобилестроителем. Сфера услуг становится доминирующей. Стремительному экономическому росту значительно способствовали низкая стоимость рабочей силы, высокий по сравнению с другими развивающимися странами данного региона уровень образования, профессиональная конфуцианская этика и культура, трудолюбие, добросовестность. Западные страны, главным образом США и Великобритания, своим опытом, инвестициями, технологиями оказали решающее влияние на их выбор приоритетов и направлений развития.

После Второй мировой войны Япония на несколько десятилетий утратила свое влияние на материке, но частично сохранила свои позиции на Тайване. Приход администрации и армии Чан Кайши, установление коррумпированного режима не были встречены овациями местных жителей, более того, 1947 г. отмечен акциями протеста против режима Чан Кайши и ответными репрессиями против местных жителей. Но в целом Тайвань выиграл благодаря тому, что двухмиллионный поток мигрантов из континентального Китая состоял главным образом из буржуазии и специалистов, то есть людей со знаниями и капиталом. Финансовая, материальная и техническая помощь США создали необходимую базу для развития экономики Тайваня.

Как мне кажется, тайваньская модель вобрала в себя экономические концепции и опыт нескольких стран: либеральную политику США, поскольку именно американцы обеспечивали безопасность острова; опыт СССР, о чем свидетельствуют 5-летние планы развития страны в период нахождения у власти Цзян Цзинго (Коли Елизарова, как его звали в то время, когда он находился в СССР), японской (зачем отказываться от того, что уже есть и работает),

и, само собой, традиционной конфуцианской концепции. Так создается модель государственного регулирования экономики с преобладанием мелкособственнического типа хозяйствования. Каждый седьмой тайванец имеет собственное предприятие. ВВП страны рос начиная с 1970-х гг. на протяжении трех десятилетий в среднем на 8 % в год, а экспорт – еще быстрее. Инфляция и безработица были низкими. В 1950-е гг. была реализована стратегия взаимостимулирующего развития промышленности и сельского хозяйства⁴. Вклад сельского хозяйства в ВВП с 35 % в 1952 г. упал до 3 % к началу нового века. 73 % составляет сектор услуг. На смену традиционной трудоемкой пришла капиталоемкая и технокоемкая промышленность. Из реципиента американской помощи в 1950-е и начале 1960-х гг. Тайвань в дальнейшем сам превращается в донора и основного инвестора в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Хотя прямая американская помощь прекратилась в 1970-е гг., был дан импульс в нужном направлении: от натурального сельского хозяйства к экспортно ориентированной экономике с постепенным переходом от сельского хозяйства и легкой промышленности к производству на экспорт микроэлектроники и ИКТ. Внешняя торговля стала драйвером экономического роста Тайваня.

Можно выделить 4 предпосылки тайваньского чуда:

- земельная реформа, проведенная с помощью США в начале 1950-х гг.;
- государственное планирование до 1990-х гг. с последующей постепенной либерализацией;
- помощь и инвестиции США (с 1950 по 1962 г. 30 % всех инвестиций были американскими, главным образом в развитие электронной промышленности и внешнюю торговлю) (Esoptomu... n.d.);
- низкая заработная плата по сравнению с другими «дракончиками» и Японией;
- высокий уровень охвата населения высшим образованием.

⁴ Только 1/4 земель страны пригодна для сельского хозяйства, однако благодаря интенсивному типу хозяйствования собирается два, а в некоторых местах и три урожая. Выращиваются рис, чай, сахарный тростник, фрукты, овощи. Большие объемы пшеницы экспортируются из США.

Главным потребителем произведенной на Тайване продукции является США. Однако экспортная зависимость от США с 1984 по 2002 г. снизилась с 49 % до 20 %. Постепенно Китай занимает все более важное место как торгово-экономический партнер Тайваня. Нарастает зависимость Тайваня от КНР. В 2010 г. тайваньский экспорт в КНР составлял 28 % от совокупного тайваньского экспорта, а импорт – 13,2 % (List... n.d.). Сами тайваньцы и создали у себя под боком этого троянского коня. С начала периода реформ гонконгские и тайваньские бизнесмены активно инвестировали и оснащали китайское производство. Сейчас тайваньцы – главные инвесторы в КНР, но при этом их влияние на политику Китая минимально. КНР является главным экспортно-импортным партнером Тайваня.

На Тайване 85 % национального промышленного продукта производится на мелких и средних частных предприятиях, не обладающих достаточным капиталом и кадрами для проведения фундаментальных исследований. Чтобы обеспечить собственное технологическое развитие, на Тайване созданы 6 технологических парков. Технопарк Hsinchu Science and Industrial Park (新竹科学工业园区) в настоящее время является крупнейшей в мире зоной производства полупроводников. Здесь сосредоточено свыше 430 компаний высоких технологий, в которых работает 130 тыс. человек. В 2007 г. эти фирмы произвели 10 % ВВП. Здесь же расположены крупнейшие мировые производители и поставщики полупроводников, солнечных батарей, микроэлектроники – Semiconductor Manufacturing Company (TSMC), United Microelectronics Corporation (UMC). В 2011 г., несмотря на только что завершившийся финансовый кризис, TSMC увеличивает инвестиции в НИОКР на 39 % (до 50 млрд тайваньских долларов) и расширяет на 30 % производственные мощности (Economy... n.d.).

Технопарк называют «Силиконовой долиной» Тайваня, поскольку он создан по американской модели. По соседству с ним расположены Тайваньский университет Цзяотун (National Chiao Tung University) и Тайваньский университет Цинхуа. Оба вуза инкорпорированы в бизнес и научно-исследовательскую активность зоны высоких технологий. Крупнейший некоммерческий индуст-

риально-технологический научно-исследовательский институт, открытый в 1973 г., также расположен в этом технопарке. В нем работает 5819 ученых, из которых 1396 имеют степень доктора философии (Ph.D).

National Chiao Tung University (NCTU) был воссоздан на Тайване в 1958 г. по образу и подобию Шанхайского политехнического университета Цзяотун (ШЦТУ), появившегося в Китае в 1896 г. Этот университет Тайваня наиболее интернационализирован. Например, на отделении прикладной химии работает 15 иностранных профессоров. Здесь обучаются студенты из 42 стран мира. Магистерские программы реализуются на английском языке. Тайваньский ШЦТУ включает в себя 9 колледжей: инженерный, электрон-инженерный, менеджмента, компьютерных наук, естественных наук, биологических наук и технологий, гуманитарных и общественных наук, народности хакка. В 2012 г. он занял 47-е место в мире в разделе «Компьютерные науки» (Computer Science) по версии Academic Ranking of World Universities и 50-е место по инженерным наукам (Taiwan... n.d.).

Оба университета ШЦТУ не только имеют общие корни, они объединены в единую крупнейшую в Азиатско-Тихоокеанском регионе сеть выпускников ШЦТУ. А если учесть, что в свое время от ШЦТУ отпочковались Пекинский и Сианьский ЦТУ, то формируется огромное пространство политехнического (ЦТУ) мегауниверситета, выпускники которого способны образовать платформу под единое научное пространство по обеим сторонам пролива.

Остальные парки имеют весьма широкую специализацию – от биотехнологий и новых материалов до машиностроения и продуктов легкой и пищевой промышленности.

В качестве «драйвера» предлагается сделать экономику более открытой для иностранных инвестиций, инновационной за счет большего обмена идеями, технологическими наработками и исследованиями, привлекая талантливых студентов и специалистов высшего класса из-за рубежа. Очевидно, что обеспечить приток капиталов и кадров может прежде всего Китай. Он заинтересован в этом как прагматически, так и политически, расширяя свою сферу геополитического влияния. Конкурировать с КНР Тайвань не может, подчиниться – не готов психологически. В связи с догово-

ром о торговле и услугах в политическом вокабулярии появился новый термин – «гонконгизация Тайваня». Сейчас половина экспорта и импорта Гонконга связаны с КНР (экспорт – 54,1 %, импорт – 46,9 %). Гонконг уже органически врос в экономическое пространство Китая и обслуживает его интересы, в том числе и путем создания положительного образа большого либерального Китая. Тайваньцы, во-первых, в отличие от гонконгцев не считают себя одной нацией с китайцами, во-вторых, их пугает рост имущественного неравенства в Гонконге за последние 10 лет – в 20 раз.

Почему тайваньское правительство и большой бизнес проталкивают договор? Без него тайваньская экономика, сбавляющая темпы экономического роста, проигрывает в конкурентоспособности. А с его внедрением произойдет «гонконгизация»? Смена экономической модели? Действительно, мы видим две модели развития китайской цивилизации на примере КНР и Тайваня.

Благодаря высокой культуре и сохранению ценностей на Тайване в отличие от Китая сложилась модель гармоничного взаимодействия природы и человека, где экономический рост не идет в ущерб природе, где полноценная жизнь ценится выше карьерных устремлений и жадности денег, где потребление сдерживается не отсутствием финансовых средств, а сформировавшимся на основе других ценностей механизмом самоограничения, где заботятся о посторонних людях и бездомных животных в силу внутренней потребности, где конкуренция не направлена на ущемление прав других (пример – множество маленьких ресторанчиков и лавочек вокруг университета, здесь все уживаются), потому что гармония и баланс взаимоотношений выше, чем развитие. Вот чего, по-моему, боятся простые тайваньцы, интуитивно понимая, что чем дальше они и китайцы отходят от традиционных корней, тем больше становятся разными народами.

Литература

Александров, Ю. 2013. *Мозг и культура*. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/596615/video_id/596615.

Барбер, М., Доннелли, К., Ризви, С. 2012. Океаны инноваций. Атлантический океан, Тихий океан, мировое лидерство и будущее образования. *Вопросы образования* 4: 109.

Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2010 год. 2010. *Цели развития тысячелетия в России: взгляд в будущее*. М.

Завадский, М. 2010. Гигант микроинноваций. *Эксперт* 38(722). URL: <http://www.expert.ru/expert/2010/38/>

Кульпин, Э. С. 2013. Точка невозврата. *История и современность* 1: 3–23.

Малявин, В. 2014. *Китай в современном мире. Человек в китайской цивилизации*. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/972458.

Маслов, А. 2013. *Секрет устойчивости восточноазиатской культуры*. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20898/episode_id/232890.

Машкина, О. А. 2011. Научно-технический потенциал КНР: прогнозы и реальность. Особенности научно-технического прорыва КНР. *Общество. Государство. Политика* 1: 83–103; 2: 24–37.

Научно-технический потенциал КНР: прогнозы и реальность. Особенности научно-технического прорыва КНР. 2011. *Общество. Государство. Политика* 1: 91.

Перспективы развития человеческого потенциала в России и КНР. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и Природа в пространстве и времени*. Серия «Социо-естественная история. Генезис кризисов природы и общества». Вып. XXXVI (с. 202–217). М.: ИАЦ Энергия, 2012.

Фридман, Т. Б. г. Плоский мир: Краткая история двадцать первого столетия. URL: <http://greatnote.ru/tomas-fridman-ploskii-mir-kratkay%D1%84-istoriya-xxi-vek>.

Щедровицкий, П. Г. 2012. Цикл лекций во Владивостоке. Лекция 3. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=fMBgI7M2q9A&list=UUn6g4EByxv2f1xP8LMpNTOg>.

Щукин, А. 2010. Мировая фабрика Китай хочет стать мировой лабораторией. *Эксперт* 41(725). URL: <http://www.expert.ru/expert/2010/41/>

Barber, M., Donnelly, K., Rizvi, S. 2012. *Oceans of Innovation. The Atlantic, the Pacific, Global Leadership and the Future of Education*. London: The Institute for Public Policy Research.

Economy of Taiwan. N. d. URL: <http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/18446>.

Economy of Taiwan. N. d. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Economy_of_Taiwan#Economic_outlook.

List of the Largest Trading Partners of China; Economy of Taiwan. N. d. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_the_largest_trading_partners_of_China; Economy of Taiwan. – en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/18446.

Taiwan Universities Directory. N. d. URL: <http://www.university-directory.eu/Taiwan/Taiwan-Universities.html>.